

Гетманъ Мазепа въ западно-европейской литературѣ.

Популярность Мазепы въ европейской литературѣ до сихъ поръ остается тайной для всѣхъ интересующихся этой, можетъ быть, самой трагической фигурой украинской исторіи. Загадочная личность противника Петра I вдохновила уже не одного поэта, не одного драматурга, не одного романиста. Среди людей, писавшихъ о Мазепѣ, находятся между прочимъ такія звѣзды первой величины въ міровой литературѣ, какъ лордъ Байронъ и Викторъ Гюго. И даже въ нашъ прозаическій вѣкъ, когда бурная эпоха, родившая Петра и Мазепу, давно отошла въ вѣчность, интересъ къ послѣднему въ Европѣ не ослабѣваетъ: недавно извѣстный критикъ М. де-Вогюе выпустилъ новымъ изданіемъ свои „Les trois drames“, значительная часть которыхъ посвящена той же таинственной личности стараго гетмана.

Гдѣ причина этого? Что приковываетъ вниманіе этихъ людей къ ихъ герою? Можно было бы сказать: своеобразная историческая судьба Ивана Мазепы. Отчасти это такъ, но только отчасти. Вѣдь многіе изъ писавшихъ о Мазепѣ почти не знали его исторіи. Байрона вдохновили, въ его чудной поэмѣ, лишь нѣсколько строкъ, прочитанныхъ имъ у Вольтера въ „Исторіи Карла XII“. Никакихъ иныхъ источниковъ не зналъ, повидимому, и Гюго. Гдѣ же рѣшеніе загадки?

Не претендую дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Нѣсколькими послѣдующими замѣчаніями хотѣлъ бы только бросить хотя бы незначительный свѣтъ на интересующую насъ загадку.

Во Флоренціи, передъ галлереею „Pittà“ можно видѣть рядъ статуй людей, которыми гордится не только Италія, но и все культурное человѣчество. Среди этихъ статуй одна особенно обращаетъ на себя вниманіе. Низкій корпусъ, покатыя плечи, самое обыкновенное на первый взглядъ „бабообразное“ лицо. Но за этимъ лицомъ кроется такая,—подозрѣваемая лишь,—необыкновенная моральная и интеллек-

туальная мощь, что невольно останавливаешься, какъ вкопанный. Внизу подпись: Маккіавели... Не такъ ли и нѣкоторыя историческія личности, едва намъ извѣстныя? Нѣсколько скупыхъ историческихъ свѣдѣній даютъ нашему духовному взору не больше понятія о нихъ, чѣмъ „бабобразныя“ черты Маккіавели, о личности геніальнаго автора „1 Principe“. Но достаточно ознакомиться съ ними, этими чертами, набросанными рукою ли скульптора или историка, все равно,—и таинственный неизвѣстный становится предметомъ общаго вниманія, удивленія, быть можетъ, героемъ легенды... Такою легендарною личностью сталъ и Мазепа.

То въ качествѣ блестящаго „chevalier“ во вкусѣ Дартаньяна или Атоса изъ „Трехъ мушкетеровъ“ А. Дюма, то въ качествѣ хитраго и изворотливаго противника Петра. Второй Мазепа—преимущественно герой нѣмецкихъ драматурговъ. Почему они выбрали именно его своимъ „Freiheitsheld“ омъ? Думаю, что тутъ играла роль своеобразная историческая аберрація. Послѣ Хмельницкаго, Выговскаго и др. слѣдовали другіе, такъ или иначе продолжавшіе ихъ дѣло. Послѣ Мазепы—никто. Послѣ него наступилъ упадокъ автономистской идеи. На этомъ фонѣ, на фонѣ общей деградации національной жизни на Украинѣ, наступившей въ XVIII вѣкѣ, личность Мазепы выдѣлялась особенно ярко. Кромѣ того, вѣдь величіе героя всегда мѣряется величіемъ его противника. Чѣмъ труднѣе и грандіознѣе задача, поставленная герою, чѣмъ непосильнѣе преграды, съ которыми онъ борется, тѣмъ болѣе трагичныя формы принимаетъ его особа, тѣмъ болѣе она способна возбудить вдохновеніе поэтовъ. Не зная, можетъ быть, даже какъ слѣдуетъ исторіи восточной Европы, они все-же полубезсознательно, но чувствовали, что въ 1709 году въ исторіи Европы перевернулась новая страница, открывшая въ ней новую главу. 27-е іюня 1709 года стоитъ на границѣ двухъ эпохъ: оно отдѣляетъ Московское царство отъ Россійской имперіи. Что же удивительнаго, если человекъ, стоявшій на рубежѣ этихъ двухъ эпохъ, хотѣвшій по-своему записать перевернувшуюся страницу европейской исторіи, такъ же, какъ и его противникъ, выросъ въ глазахъ поэтовъ до размѣровъ титана? Что удивительнаго, что они до сихъ поръ чувствуютъ на себѣ тѣнь, бросаемую въ будущее этимъ гигантомъ?

Изъ всѣхъ произведеній, посвященныхъ гетману Ма-

зепѣ наиболѣе, вѣроятно, извѣстна широкой публикѣ поэма Байрона. Рожденный за годъ до французской революціи, умершій въ Миссолунгахъ въ борьбѣ за свободу Греціи, великій англійскій лирикъ могъ заинтересоваться оригинальной судьбой „гетмана-злодѣя“. Нѣсколько строчекъ Вольтера сказали геніальной фантазіи свободолюбиваго лорда больше, чѣмъ иному могли бы сказать цѣлые томы... И, быть можетъ, обладай авторъ обширнѣйшими свѣдѣніями изъ украинской исторіи, онъ оставилъ бы намъ иную, болѣе глубокую и болѣе интересную эпопею, посвященную тому же герою. „Мазеппа“ былъ написанъ въ Италіи (въ Равеннѣ). Къ этому времени относится, между прочимъ, связь Байрона съ Терезою Гиччіоли, урожденною графинею Гажба. Поэма была написана въ 1818 г., въ разгаръ карбонарскаго движенія. Вѣроятно, въ этихъ обстоятельствахъ, подъ гипнозомъ которыхъ находился въ то время творческій духъ поэта, нужно искать причины выбора и особы героя, и сюжета поэмы: сюжетъ поэмы—любовь Мазепы къ замужней женщинѣ, которая, такъ же, какъ и синьора Гиччіоли, называется Тереза. Указываютъ на нѣкоторую неправдоподобность конструкции „Мазепы“, гдѣ авторъ заставляеть Карла, послѣ „страшнаго дня Полтавы“ выслушивать долгій разговоръ, своего союзника, подвергаясь ежеминутной опасности быть захваченнымъ побѣдителями. Но это все мелочи, которыя не въ состояніи умалить значенія изящнаго произведенія англійскаго поэта. Мазеппа Байрона—„спокойный и мужественный“, блестящій „Prince de l'Ukraine“ Вольтера, человекъ „малоговорящій, но много дѣлающій“, мстительный по натурѣ, любящій женщинъ и любимый ими. Одно изъ своихъ многочисленныхъ любовныхъ приключеній и рассказываетъ старый гетманъ своему королевскому союзнику, пользуясь для этого полнымъ страсти и темперамента языкомъ Байрона. Однако поэма даетъ намъ нѣчто больше, чѣмъ разговоръ о любовной интригѣ. Своей геніальной интуиціей авторъ охватилъ и многое другое. Читая его поэму, вы слышите клекотъ степныхъ орловъ и вой степного вѣтра, жужжащаго въ ушахъ распятаго на конѣ, приговореннаго къ смерти пажу,—жертвы дьявольской изобрѣтательности обманутаго мужа; вы видите: жизнь тогдашней Украины, полную неожиданностей и несообразностей, основанную на кулачномъ правѣ печальной памяти „Rzeczypospolitej“, полную однако свое-

образнаго романтизма и поэзіи; передъ вами проносится какъ въ кинематографѣ дивная судьба этого края, такъ странно переплетенная въ поэмѣ съ судьбой своего гетмана, думавшаго найти въ степяхъ Украины „тронъ“, который оказался блуждающимъ огнемъ въ этотъ „dread Pultova'sday“...

Нервный, если можно такъ выразиться, торопливый языкъ, которымъ написана поэма, заставляетъ съ неослабѣвающимъ вниманіемъ читать ее до конца, до того трагикомического послѣдняго аккорда, когда шведскій король засыпаетъ, не выслушавъ даже всей исторіи Мазепы... Между прочимъ—ложка дегтя въ бочкѣ меда!—Мазепа у Байрона... полякъ! Говоря о своей Терезѣ, онъ говоритъ о „нашей польской крови“ („our Polish blood“). Винавать въ этой исторической неточности, разумѣется, информаторъ автора, Вольтеръ, у котораго Мазепа фигурируетъ въ качествѣ „un gentilhomme Polonais“. Для западно-европейца, не знающаго вавилонскаго столпотворенія націй на востокѣ, „польскій шляхтичъ“ легко могъ превратиться въ поляка.

Произведеніе Байрона очень скоро нашло себѣ подражателя, хотя и не въ его странѣ. Этимъ подражателемъ былъ не кто иной, какъ Викторъ Гюго. Выросшій въ революціонныхъ традиціяхъ Первой имперіи (его отецъ былъ наполеоновскимъ генераломъ), современникъ греческаго возстанія и 48 года, свободолюбивый противникъ „маленькаго Наполеона“—далъ намъ нѣсколько иной, и, я бы сказалъ, болѣе глубокой образъ Мазепы, чѣмъ Байронъ. „Мазерра“ В. Гюго написанъ въ 1828 г. и помѣщенъ въ сборникѣ, носящемъ общее заглавіе „Les orientales“. Въ то время „оріентъ“ былъ въ модѣ въ Европѣ. Въ стремленіи балканскихъ національностей освободиться отъ турецкаго господства Гюго видѣлъ зарю того пробужденія народовъ средне-европейскаго „оріента“, которое въ наше время становится фактомъ. И вотъ, неутомимая фантазія искренняго друга грековъ и иныхъ угнетенныхъ націй обращается на востокъ, ища тамъ объектовъ для своего вдохновенія. По капризной терминологіи автора, востокъ это не только Китай и Турція; это такъ же и Испанія и Украина. Вотъ почему поэму о Мазепѣ мы находимъ въ этомъ сборникѣ на-ряду со стихотвореніями „Navarin“, „Le derviche“, „Grenade“ и др., подъ общимъ названіемъ „Les orientales“.

Начинаетъ Гюго своего „Mazerr'u“ тѣмъ же, чѣмъ и Байронъ: дикой скачкой коня съ человѣкомъ на спинѣ черезъ

„синій океанъ“ степи. Случай приносить Мазепу, какъ и у Байрона, въ страну казаковъ, Украину, гдѣ для него должна начаться новая, еще болѣе фантастическая жизнь, чѣмъ та скачка на крупѣ степного скакуна.

Eh bien! ce condamné qui hurle et qui se traîne,
Ce cadavre vivant, les tribus de l'Ukraine
Le feront prince un jour.

(Пусть! когда-то украинскій народъ этого осужденнаго, влекомаго на смерть выберетъ своимъ княземъ).

Придетъ часъ, и онъ надѣнетъ плащъ старыхъ гетмановъ, поднявшись высоко изъ пропасти, которая должна была служить ему могилой. И тогда „un jour“ угнетенный народъ свяжетъ свою судьбу со своимъ товарищемъ по недолѣ, который, „застѣвая поля трупами, вознаградить обильною пищею ястребовъ“ за добычу, ускользнувшую отъ нихъ, когда онъ со своимъ конемъ мчался по безконечной степи... „Un jour“...

Удивительная судьба Мазепы, вырвавшая его изъ объятий смерти, поманившая химерой и снова бросившая въ добычу смерти, вдохновила Гюго создать (во второй части поэмы) изъ него символъ человѣческаго духа, неяснаго инстинкта, того ницшевскаго „Wille zur Macht“, что живетъ въ человѣкѣ и гонитъ его, противъ его воли—какъ тотъ конь!—къ большой неизвѣстной цѣли; того фатума, который въ моментъ кажущейся гибели возносить свою жертву на вершину счастья:

Enfin le terme arrive... il court, il vole, il tombe,
Et se relève roi!

(Наконецъ предѣлъ достигнуть... онъ бѣжитъ, онъ летитъ, онъ падаетъ, и вотъ встаетъ король!).

Гюго вложилъ болѣе глубокий смыслъ въ свою поэму, воспѣвъ героя какъ вѣчное стремленіе духа, къ какой бы то ни было цѣли, все равно, лишь бы впередъ!

Недаромъ и motto своему „Mazeppa“ взялъ великій французъ байроновское:

Away! Away! (Впередъ, впередъ!).

Совершенно иное отношеніе къ занимающей насъ исторической особѣ встрѣчаемъ мы у другого француза, виконта М. де-Вогюэ. Его „Trois drames de l'histoire de Russie“, появившіяся новымъ изданіемъ два года тому назадъ въ Парижѣ,—рядъ критическихъ этюдовъ изъ русской исторіи. Одинъ изъ нихъ, „Mazeppa, la légende et l'histoire“, по-

священъ украинскому гетману. Самостоятельнаго въ этомъ этюдѣ мало. Онъ состоитъ въ пересказѣ „легенды“ и „исторіи“ объ украинскомъ гетманѣ. Первой—по Пушкину, второй—по Костомарову, Соловьеву и другимъ. Взглядовъ этихъ историковъ и придерживается авторъ въ своей оцѣнкѣ Мазепы. Вогюэ характеризуетъ его какъ человѣка образованнаго, съ „блестящимъ esprit“ и „пылкимъ сердцемъ“, —черты, которыя однѣ уже могли бы снискать себѣ симпатію каждаго француза. Даритъ Мазепу своей симпатіей и авторъ, но только какъ человѣка, не какъ политика. Какъ политикъ, Мазепа, по Вогюэ, боролся за дѣло, заранѣе осужденное на неудачу какъ вслѣдствіе темноты народныхъ массъ, такъ и благодаря социальнымъ антагонизмамъ внутри украинскаго общества. Даже если бы Мазепѣ удался его безумный планъ,—пишетъ виконтъ,—ничего кромѣ второй Польши изъ Украины бы не вышло. Второй Польши, которую ожидала бы, очевидно, та же участь, что и первую... Поэтому Цезарь перешагнулъ свой Рубиконъ, а Мазепа, перейдя Десну и передавшись шведскому королю, утонулъ въ своемъ... Таковъ приговоръ Вогюэ о Мазепѣ-политикѣ. Что же касается Мазепы-человѣка, то и этотъ суровый критикъ считаетъ своимъ долгомъ отдать дань удивленія загадочной личности. Онъ называетъ гетмана „великимъ дѣятелемъ великой эпохи, человѣкомъ навязчивыхъ сновъ и пламенныхъ страстей“.

Среди нѣмецкихъ поэтовъ, писавшихъ о Мазепѣ, первое мѣсто безусловно принадлежитъ Рудольфу Готтшалью, извѣстному въ свое время драматургу. Его симпатіи, его интересъ къ Мазепѣ обуславливались тѣми же причинами, что и у названныхъ уже англичанина и француза. Родившись въ 1823 г., Готтшаль сталъ вскорѣ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ либеральнаго движенія въ восточной Пруссіи съ сильными свободолюбивыми симпатіями. Многія изъ его драмъ („Робеспьеръ“, „Марсельеза“) носятъ яркій революціонный характеръ. Драма „Мазерра“ (въ пяти актахъ, 1865 г.)—одна изъ наиболѣе удачныхъ этого автора, съ успѣхомъ игранная на многихъ сценахъ Германіи. Если оставить въ сторонѣ мелкія историческія неточности (напр., Матрена—дочь Искры, Гордіенко не присоединяется къ Мазепѣ), то нельзя не признать въ драмѣ Готтшалья настоящей трагедіи съ сильно развитымъ драматическимъ дѣйствіемъ, держащимъ читателя въ постоянномъ напряже-

нии. Язык драмы—гладкій, мѣстами сильный, съ тѣми неожиданными и эффектными сравненіями, которыя составляютъ характерную особенность таланта самаго крупнаго изъ украинскихъ поэтовъ въ російской Украинѣ, Леси Украинки. Содержаніе трагедіи—мечта Мазепы, гетмана Украины, добиться короны и независимости. Мазепа представленъ здѣсь не „гетманомъ-злодѣемъ“; онъ скорѣе напоминаетъ шиллеровскаго Валленштейна. Въ своихъ планахъ онъ повинуетъ лишь волѣ неумолимаго рока, влекущаго его неудержимо (опять вспоминается легенда съ конемъ) къ его цѣли, къ его гибели. Вообще во всей драмѣ разлито гораздо больше (чѣмъ въ „Полтавѣ“ Пушкина) пониманія историческихъ событій, какъ процесса, гдѣ нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ, ни „злодѣевъ“, ни „ангеловъ“, а есть только люди, шахматныя фигуры въ рукахъ невидимыхъ игроковъ.

„In der Tiefe unserer Seelewohnt ein dunkles Müssen“ (Въ глубинѣ нашей души живетъ темное „долженъ“),—говоритъ пророчица Горпына, и, повинувшись этому неясному „долженъ“, идетъ Мазепа Готтшала навстрѣчу своимъ планамъ, гдѣ въ туманной дали мерещится ему корона...

Въ этихъ своихъ планахъ старый гетманъ находитъ себѣ вѣрную, безумно его любящую союзницу Матрену, дочь (по Готтшалу) полковника Искры. Что касается этой подруги Мазепы, авторъ предлагаетъ довольно интересную психологическую догадку, объясняющую непонятную, на первый взглядъ, страсть молодой дѣвушки къ сѣдому старцу. Матрена Готтшала не обыкновенная „полковниківна“; она—рожденная для господства, съ инстинктомъ властвованія женщина, стремящаяся, вмѣстѣ съ Мазепой, къ осуществленію его грандіозныхъ, ослѣпляющихъ ее плановъ. Ради этихъ плановъ, обѣщающихъ корону ему и ей, она бросается на шею старому гетману, присягая „итти за его звѣздой“. Казнь Искры, отданнаго Петромъ во власть Мазепы за доносъ на него, уничтожаетъ весь планъ. Матрена, руководимая чувствомъ мести, переходитъ на сторону враговъ Мазепы, заставляетъ Гордіенка (который любитъ ее) измѣнить своему гетману, вносить, благодаря этому, неуверенность въ ряды сторонниковъ Мазепы и въ концѣ-концовъ приводитъ смѣло задуманный планъ къ катастрофѣ.

Сильное впечатлѣніе, оставляемое вообще драмой, ослабляется, къ сожалѣнію, совершенно ненужнымъ морализаторствомъ автора. Мазепа гибнетъ не потому, что „такъ

хотѣла судьба“, а въ наказаніе за поправленные законы морали, за пролитую кровь Искры, за то, что переступилъ черезъ трупъ.

Поспѣшивъ вывести на сцену въ угоду бюргерской публикѣ историческую Немезиду, авторъ забылъ, что исторія мститъ за ошибки, за слабость, за глупость, за нарушенія ея законовъ, но не законовъ человѣческихъ и абстрактной справедливости. Надѣлять историческую Немезиду человѣческими симпатіями и антипатіями, наказывая „порокъ“ и поощряя „добродѣтель“, значить вносить диссонансъ въ довольно удачную историческую концепцію самого же автора. Поэтому, драма ничего бы не проиграла, если бы авторъ не придумалъ для нея дешевой морали, которой снабжено каждое „*gührendes Drama*“ берлинскихъ и вѣнскихъ кинотеатровъ.

Въ одномъ можно бы было еще упрекнуть Готтшала. Еще Аристотель въ своей „*Poetika*“ установилъ правило, что „развитіе и развязка фабулы должны происходить сами собою“, безъ вмѣшательства *Deus ex machina*. Противъ этой заповѣди, кажется, и грѣшитъ нашъ авторъ.

Несмотря на нѣкоторыя указанія и намеки, пораженіе Мазепы приходитъ какъ-то совершенно неожиданно. Впрочемъ, можетъ быть, это и болѣе соотвѣтствуетъ исторической правдѣ...

Трагедія полна истинно-драматическихъ сценъ. Особенно интересна сцена, гдѣ Мазепа впадаетъ въ острый споръ съ царемъ. Она выясняетъ цѣли обоихъ будущихъ противниковъ и причины, благодаря которымъ разошлись ихъ дороги.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этой сцены.

Петръ.

Духъ возмущенія

Живеть въ степяхъ

.....

Межъ тѣмъ законъ одинъ желѣзный

Царить лишь долженъ въ нихъ!

..... Слушай меня, Мазепа!

Россія жертвуетъ и деньгами, и кровью,

Великихъ жертвъ я требую отъ ней:

Нужны мнѣ подати и новые солдаты

И ваши казаки должны ихъ такъ же дать...

.... О томъ лишь постарайся,
 Чтобъ подати не показались люду
 Ужъ черезчуръ тяжелыми...

Мазепа.

Боюсь, великій царь!
 Твой слуга, на службѣ посѣдѣвшій,
 Предостеречь хотѣлъ бы...

Но Петръ не даетъ гетману высказать своего взгляда на осуществимость его программы и, впадая въ ярость, послѣ выпитаго меду, кричить:

„Какъ этотъ медъ,
 Такъ вашу я до дна свободу выпью
 И чарку вдребезги!“

Послѣ этой сцены Мазепа принимаетъ Казимира Солданскаго, эмиссара Карла, и переходитъ на его сторону. Дальше мы присутствуемъ на „радѣ“ (совѣтѣ) гетмана съ полковниками, на которой мысль Мазепы принимается съ воодушевленіемъ. Однако дальнѣйшіе свои планы Мазепѣ приходится исполнять безъ Матрены, покидающей его за казню отца. Разбитый подъ Полтавой, Мазепа умираетъ, отравленный Матреной въ гротѣ пророчицы Горпыны, бывшей любовницы своей первой молодости. Мазепа умираетъ, печальный потому, что не видитъ никого подлѣ себя, кто бы могъ:

„den Traum.

Des Lebens mir von meiner Stirne küssen“.

Передъ смертью, гетманъ бредитъ:

„О призракъ, призракъ!
 Ты погубилъ меня, но все-же
 Я для тебя лишь жилъ, страдалъ—и
 Хоть и изъ могилы, хоть тѣнь твою
 Искать я выйду снова“.

Произведенія остальныхъ нѣмцевъ, посвященные Мазепѣ, гораздо ниже по замыслу и исполненію. Слѣдуетъ отмѣтить среди нихъ М а я. Содержаніе его драмы, „Der König der Steppe“ то же, что и у Готтшала: борьба гетмана за независимость края.

„Копье казака для защиты царскаго трона, и мечъ царскій для обороны нашей свободы. Вотъ все, что мы

должны одинъ другому“,—такъ поясняетъ гетманъ свою программу, которую въ виду новыхъ намѣреній Петра онъ радикально измѣняетъ. Теперь этой программой становится „ein Königreich der Steppe“ и корона для Мазепы.

„Королевство степей“ оказалось чуднымъ миражемъ, и Мазепа гибнетъ, потерявъ и свое счастье, и свою любовь,—Наталью, отдающуюся своему жениху Голицыну.

Двухтомный романъ Мютцельбурга „Mazepa“ совершенно въ иномъ жанрѣ. Это—исторія авантюръ молодого шляхтича, рыцаря безъ страха и упрека въ духѣ средневѣковыхъ рыцарей, бьющихся за „правду и справедливость“. Общий характеръ эпохи, отношенія шляхты къ хлопамъ и къ равнымъ себѣ описаны довольно удачно. Въ польской литературѣ многіе авторы занимались личностью Мазепы. Между прочимъ: F. Gawronski—„Pan Hetman Mazepa“, Bohdan Zaleski—„Dumka Mazepu“, W. Bogdancko—„Jan Mazepa“ (драма).

Наиболѣе выдающейся является, конечно, драма Юлиуса Словацкаго—„Мазера“. Мазепа Словацкаго—это тотъ же пажъ, котораго мы видѣли у Байрона, хитрый, отважный и благородный „казачій сынъ“, готовый жертвовать жизнью для чести женщины, которой онъ даже не любитъ, и ради чести короля, котораго онъ презираетъ. Однако и у Словацкаго личность Мазепы не лишена извѣстныхъ чертъ демонизма: почти всѣ особы, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе, гибнутъ, приведенныя къ смерти пустымъ капризомъ легкомысленнаго пажа...

Драма Словацкаго очень сценична. Писалось о Мазепѣ и на другихъ языкахъ. Между прочимъ по-чешски извѣстная мнѣ лишь по имени драма Іосифа Фрича „Ivan Mazepa“.

Воспѣлъ Мазепу и шведскій писатель I. P. Wallin въ своемъ „Carl der tolfte“ (1883 г.).

Англичанинъ, французъ, нѣмцы, поляки, чехъ, шведъ, не говоря уже объ украинцахъ и русскихъ, среди которыхъ находятся имена, извѣстныя всей читающей Европѣ, посвящали свой талантъ Ивану Мазепѣ ¹⁾.

Всѣ они писали о Мазепѣ и объ Украинѣ. И, кто знаетъ, не были ли мы (еще недавно), тому небольшому знаком-

¹⁾ Интересно отмѣтить, что личность Мазепы привлекала къ себѣ вниманіе не только историковъ и вдохновляла не только поэтовъ; гениальный Листъ посвятилъ ему одну изъ личныхъ своихъ симфоній „Мазепа“.

ству съ нашимъ краемъ, которое обнаруживала Европа, обязаны именно Мазепѣ? Еще 50 лѣтъ назадъ,—читаемъ у Вогюэ,—не было во Франціи ни одного школьника, который бы не зналъ Мазепы, олицетворяющаго для него весь громадный край, Украину, весь историческій народъ, казацкій народъ. Каждый разъ, какъ авторъ заговаривалъ съ кѣмъ-нибудь объ Украинѣ, ему непременно отвѣчали: „Ah! oui, l'Ukraine, le pays de Mazeppa!“.

Въ настоящее время въ русскомъ обществѣ Мазепа опять въ модѣ, къ сожалѣнію, не у поэтовъ... Не будемъ этому удивляться. Не лишъ у французовъ эти два имени, Мазепа и Украина, такъ прочно ассоціированы, что нельзя, называя одно, не вспомнить другого. И, интересно, вся, указанная мною, литература о Мазепѣ даетъ намъ образъ не только самого гетмана, но и его края. И еще интереснѣе, какъ всѣ эти нѣмцы, французы, англичане и др. представляли себѣ эту Украину!

Гетманъ Украины, въ этихъ произведеніяхъ, не какой-нибудь простоватый властитель во вкусѣ, напримѣръ, Никиты Черногорскаго. Какъ я уже сказалъ, скорѣе напрашивается его сравненіе съ Валленштейномъ Шиллера. Цѣль, къ которой онъ стремится, это—„корона“, „тронъ“. Замѣчательно, что эти слова повторяются у каждого (за однимъ исключеніемъ) изъ разсмотрѣнныхъ авторовъ.

И край, съ которымъ связаны его мечты, это—скорѣе какое-нибудь западно-европейское герцогство, чѣмъ далекое, въ мечтахъ лишь, „королевство степей“. Въ описаніи, напр. батуринаскаго замка, резиденціи Мазепы (у Готтшала), въ отношеніяхъ между нимъ и полковниками, въ идеяхъ, ихъ одушевляющихъ, вы совсѣмъ не видите тѣхъ чертъ дикости и некультурности, которыми теперь такъ охотно надѣляютъ нашихъ предковъ многіе ученые и неученые историки. Легенда о „дичи гайдамацкой“ и некультурности „бывшей Украины“ явилась позже. Она возникла въ то время, когда изъ батуринаскаго замка сдѣланы были каменоломни, когда богатые культурныя сокровища, собранныя во дворцахъ гетмановъ, начали раскрадывать кто лишь хотѣлъ и могъ, когда Украина, какъ тотъ пажъ, связанная и скрученная, казалось, летѣла навстрѣчу неминуемой исторической смерти...

Въ то же время, о которомъ говорятъ названные мною авторы, было иначе. Но какое же значеніе—спросить читатель,—могутъ имѣть для насъ всѣ фантастическія предста-

вленія поэтовъ объ Украинѣ и Мазепѣ? Вѣдь это все „поэзія“, а не историческая правда! Рискаю быть парадоксальнымъ, позволю себѣ утверждать, что, быть можетъ, въ этой „поэзіи“ болѣе исторической правды, чѣмъ во многихъ томахъ научныхъ изслѣдованій. Вѣдь понятіе о какомъ-нибудь событіи, о какой-нибудь исторической личности у массы складывается не по книжкамъ. Оно, это понятіе, передаваемое лишь изъ устъ въ уста, отъ предковъ къ потомкамъ, мнѣніе современниковъ, извѣстной личности, очевидцевъ извѣстнаго событія. Поэтому въ свою оцѣнку минувшаго, масса приноситъ инстинктъ современника, которому видно то, чего не видно историку; для котораго настоящій смыслъ развивающихся событій выступаетъ иногда ярче, не затемненный безсознательною проеціею настоящаго въ прошлое. Поэтому-то историки съ такимъ вниманіемъ изучаютъ эти свидѣтельства современниковъ: архивы, мемуары и пр. Поэтому-то и „поэзія“ Байрона, Гюго, Готтшала и др., находившихся въ своемъ творчествѣ подъ гипнозомъ взглядовъ современниковъ великой эпохи на нее самое и на ея главныхъ актеровъ, такъ важны и интересны для насъ. Не нужно вѣдь забывать, что для Байрона, писавшаго свою поэму въ 1818 г., и для Гюго, написавшаго свою въ 1828, эпоха Мазепы—недавное прошлое! А кто знаетъ, съ какимъ упорствомъ держится народная психика разъ усвоенныхъ историческихъ представленій (напримѣръ, представленія на Западѣ о Россіи, какъ о странѣ „водки, казаковъ и нигилистовъ“), тотъ согласится со мною, что идеи о Мазепѣ (и Украинѣ), встрѣчаемыя въ западно-европейской литературѣ, возможно очень близки къ исторической правдѣ.

„Исторія, — говоритъ Вогюэ, — не дала ему короны, какъ онъ этого желалъ. Но поэзія одарила его, безъ его вѣдома, королевствомъ, болѣе завиднымъ, чѣмъ тѣ, которыми располагаетъ политика. Заслужила ли его эта загадочная личность?—спрашиваетъ онъ.—Не требуйте отвѣта исторіи. Его противники его ненавидѣли, но зато женщины его любили, церковь прокляла его, но поэты его воспѣли! А пока міръ будетъ такимъ, какимъ онъ есть теперь,—кончаетъ Вогюэ,—послѣднее слово въ немъ всегда будетъ принадлежать женщинамъ и поэтамъ“...

Дм. Донцовъ.